

То же время, Дувейли.

Орчанка до сих пор не могла осознать смерть отца. Слишком быстро и... нелепо она произошла. Крик шамана Кровавых Кулаков, обвиняющий в убийстве вождей одарённых из её клана, на несколько секунд ввёл её в ступор. Дальше события завертелись, и Хатгаут с остальными отгородили преступника огненной стеной. Как же не вовремя... Девушка уже готовилась растерзать отступника, но не судьба. Обычай предписывал приходить на такие мероприятия со спущенной тетивой и без дротиков, но сейчас он помешал Дувейли отомстить. Остаётся только просить духов, чтобы кара была ужасной. «Или лучше попрошу Аргнака, он ведь тоже шаман, а значит, примет участие в судьбе Байгрома!» Даже мысленно произнесённое имя вызывало омерзение и желание уничтожить его носителя.

— Держись, — услышала девушка тихий голос Бьюкигры.

Старшая жена Аргнака положила свою ладонь ей на локоть.

— Я поговорю с мужем, чтобы этот, этот... Получил сполна!

— Спасибо.

Пусть они и были соперницами, но искреннее сопереживание уменьшило горечь девушки. «Всё-таки какая нелепая получилась смерть!..» Вперёд вышел Гарлирун, привлекая к себе внимание. «Брат этого ничтожества» — подумала девушка. Мысленно и ему перепало за грехи родственника, но тратить свою злость на изгнанника она не станет.

— Как думаешь, хватит ему мужества смыть позор со своей семьи? — тихо спросила Бьюкигра.

— Мне всё равно, — чуть подумав, ответила Дувейли.

Хотя это было не совсем так. Образы братьев смешались в её ощущениях, и она не могла определить, чего же хочет больше — чтобы он оказался трусом или испытал нестерпимую боль? Но сын чужого вождя не стал тянуть — быстро избавившись от верхней одежды, он, перетянув руку жгутом, принялся отсекал её, кусок за куском. Кончено. Передав нож сестре, остался стоять, глядя в небеса — теперь он достоин того, чтобы упокоиться в общем погребальном костре.

— Идём, воздадим должное вождю, — произнесла Бьюкигра.

Ранее, дрениейки.

Чувство жжения отошло на второй план, Лейзими понимала, что Аргнак пытается отгородиться от неё и Фетисы. «Нет! Я не оставлю тебя одного!» — подумала девушка, вновь настраиваясь на связующую их нить. Почему-то она чувствовала, что нужна ему. На дрениейку вновь обрушилась незримая тяжесть, грозящая оборвать духовную связь. Сама не замечая того, девушка до крови прикусила губу, стремясь сохранить и укрепить связующую ниточку. Нет, не ниточку! Она стала шире и сильнее! По связи с Фетисой пришла волна ободрения — поддерживая друг друга, дрениейки уменьшали тяжесть, что навалилась на самую суть Аргнака.

Следующие события посыпались, как песчинки из наклоненной ладони — череда образов

чужой жизни, детство орчанки от первого лица, её взросление, охота... Поток образов почти вымывал собственные мысли, но разум дрениейки, жаждущий новую информацию, казалось, оседлал эту волну. «Каково же сейчас Аргнаку, если мне достаётся лишь часть?» — мимолётно подумала дрениейка, не отвлекаясь больше на постороннее. Разум молодого орка охватил хаос, слишком многое сейчас навалилось на него. «Ты Аргнак, ты нам нужен, иди к нам!» — отчаянно транслировала Лейзими свои мысли, забыв, что пока передавать слова не может. Но это помогало — постепенно круговерть чужих мыслей вытеснялась, девушка чувствовала, что Аргнак цепляется за связи с ними, возвращается... Слишком сложные это были образы, чтобы уложить в слова, но она справится. «О Свет, он погибает, а я уже мысленно составляю следующую книгу!» — мысленно пожурела себя дрениейка. Но времени для самобичевания не было, и она вновь включилась в беззвучную борьбу.

Но вот буйство образов и мыслей пошло на спад, всё больше стабилизируясь. Зародилась робкая радость, Аргнак собирал себя по кусочку, в какой-то момент обретая целостность. Но тут же Лейзими почувствовала, как задыхается, как будто чья-то рука сдавила её горло. Но и это прошло, все тревоги как будто куда-то унесло, и девушка почувствовала, как орк приходит в себя. Он очнулся! И вполне ОСОЗНАННО коснулся связей с ними, интересуясь ИХ самочувствием! Закончившаяся беда, схлынувшее напряжение и возможность расслабиться вылились в такую волну счастья, что девушка забылась, полностью отдавшись ему. Сколько она провела времени в таком состоянии? Непонятно...

— Кажется, мы перестарались, — слышался голос Фетисы. — Думаю, стоит пока оставить его в покое — пусть восстановится после всего этого ужаса.

— Согласна, — ответила она. — Нам и самим стоит привести себя в порядок.

Краем глаза она заметила тёмно-синее пятно на своей одежде. Кровь? Откуда? Проведя язычком по губе, обнаружила источник.

— Ты поранилась, — сказала ей Фетиса.

Взяв посох, хотела уже исцелить подругу, но, услышав беззвучную просьбу, отступилась. Лейзими сама сформировала плетение, не очень сложное. Но и ранка была пустячной. После чего очистила платье следующим приёмом колдовства.

— Как думаешь, что там случилось? — спросила она подругу, хотя и предполагала ответ.

— Мы стали свидетелями проявления его пророческого дара!

— Ээ, а я думала, он сражался с шаманкой...

— И это тоже. Но как ещё объяснить все эти образы и мысли, что прорывались по связи? Ты же знаешь, за что ценят пророков?

— Они прозревают будущее.

— Да. Но прошлое тоже подвластно их взору. Увидеть это должно быть даже проще, чем ещё не случившиеся события. По крайней мере, я так думаю. Как мы предполагаем, пророческий дар особенно сильно проявляет себя в ситуации, когда его носителю грозит опасность. А что могло быть опасней для Аргнака, чем вражеский шаман, превосходящий его силами? Хорошо, что череда образов прошлой жизни врага не заставила его потерять себя! В них-то он и нашёл слабое место противника, и воспользовался этим!

Теперь многое стало на своё место. Теория подруги объясняла все странности и не противоречила известному ранее. Понятно, почему пророки так редки — как вынести всё это и не потеряться в субъективном времени, не сойти с ума?

— Всё это интересно, но я бы не отказалась сперва освежиться и поесть, — сказала Лейзими, чувствуя, как пот струится по её телу.

— Ты права. Ого, а ведь это безобразие больше двух часов продолжалось! — сказала Фетиса, поднимаясь на ноги.

Дренийки успели принять ванну и пообедать, когда Аргнак вновь аккуратно коснулся связей с ними. Сейчас они передавали больше, чем обычно. Ещё не слова, но уже и не просто чувства. Понятней и глубже...

— О, Аргнак наконец привёл в порядок свой разум! — прокомментировала Фетиса событие.

— Смотри, не разрушь его избытком своего счастья! — ответила Лейзими.

— Ничего, если сумел просмотреть годы жизни не самой молодой шаманки, наши чувства точно ему не повредят!

Почти млея от счастья, Лейзими делилась с Аргнаком своими чувствами и тревогами. Его ответ уменьшал страхи, сумбура в мыслях молодого орка стало куда меньше, но он ощутимо изменился, и теперь Лейзими привыкала к новому, но всё равно такому родному существу. Для самой девушки это тоже не прошло бесследно, и сейчас она куда лучше понимала некоторые аспекты орочьей жизни.

Долго задерживаться у Хатгаута я не стал, ведь для шаманов сейчас очень много дел. Сейчас наши кланы будут притираться друг к другу, и присутствие одарённых, способных образумить самых упёртых спорщиков, будет не лишним. Выходим из шатра, вроде воздух в шатре тоже свежий, но почему-то здесь мне было легче дышать. Как будто ушло какое-то неосознанное давление. Навстречу попала стайка наших орчат, среди которых был и Мальрок. Он щеголял новым фингалом, но выглядел довольным. Остальные тоже были разной степени потрёпанности, но не пали духом. Похоже, орчата начали раньше всех выстраивать иерархические отношения друг с другом.

— Учитель, что будет с преступником?

— Завтра увидишь, Аргнак. Сегодня у нас ещё много дел, — ответил Хатгаут.

А дел и впрямь немало — пора готовить общий погребальный костёр, который ознаменует слияние наших кланов. Орки, не чинясь, все вместе возили топливо для него. В основном там были представители Кровавых Кулаков. Хотя, сейчас это уже наши павшие.

— Дувейли! — негромко зову свою жену.

Она стояла возле воздвигающегося костра — похоже, даже без помощи духов ему хватит жара спалить дотла и павших волков, и орков.

— Аргнак.

Подхожу ближе и обнимаю её. Тело вождя тоже было здесь, завёрнутое в дрениейскую ткань. Уж очень сильно он обгорел. Пока его ещё не возложили на костёр, ведь тот всё ещё формировался.

— Аргнак, пообещай мне, что смерть предателя не будет лёгкой.

— Могла бы и не спрашивать.

— А сможешь добиться, чтобы я тоже могла им заняться?

— Почему нет? При условии, что не станешь его убивать.

— Не бойся, так просто он этот мир не покинет!

В тихом шёпоте слышались злые слёзы, что сдерживала девушка, и обещание адских мук. Но от неё веет и ещё чем-то... Магическим? Почему же духи предков не велят её привести к священному озеру? Впрочем, магический потенциал хоть и чувствовался, но куда слабей, чем у тех же дрениек. Прочие шаманы тоже были куда сильнее, сильнее даже моих синекожих каваек. Хмм, надо бы спросить Хатгаута, могут ли духи признать шамана уже после совершеннолетия?

— Гултадор был хорошим вождём. А Дубеут не посрамит его памяти.

— Отец хорошо учил его, — соглашается Дувейли. — Нам пора.

Разрываем объятия — скоро начнётся торжество с привкусом горечи. Пока шатры наших кланов расставлены полукольцами вокруг гигантского кострища — уже после расстановкой займётся Дубеут, по силе и рангам орков.

Вот и пришло время. Помогаю Дувейли разместить тело Гултадора в самой середине сложенного топлива — рядом с Дорфристом. Остальных павших распределяют их родственники — но тоже рядом с вождями. Принесли и тело Гарлируна — несмотря на перетянутую руку, смерть взяла и его. Что же, он искупил вину брата. Гул голосов постепенно сходит на нет, даже неугомонные орчата перестали носиться и притихли, и лишь один младенец криком нарушал тишину. Но и он вскоре замолчал, приложенный к груди. Дубеут вышел вперёд и начал взбираться на сложенный костёр, чтобы его было видно всем.

— Многое произошло за эти дни, жизнь наших кланов необратимо поменялась.

Голос у него, конечно, пока не дотягивал по мощи до Гултадора, но и так его всем было слышно. Да и с такой высоты он выглядел солидно.

— Кровавые Кулаки понесли серьёзные потери, недооценив Разящих Топоров. Скоро мы станем единым кланом, но хоть численность наша возрастёт, магический потенциал уменьшится. Но пока соседи не знают, что у нас произошло, и есть время усилиться. Трудности закаляют, и если остальные кланы подумают, что наши земли стали лёгкой добычей — они поплатятся за это.

Дубеут говорил, предрекая возможные трудности, что может встретить наш обновлённый клан. Он находил слова, что заставляли наполняться гордостью сердца даже воинов из клана Кровавых Кулаков. Вспоминал обычаи, расписывал перипетии недавних событий, выставив их

так, что никто из присутствующих не казался проигравшим. Да, вот что значит вождь в пятом поколении! Гултадор успел подготовить преемника, достойно воспитав своего сына и научив его навыкам управления орками. И пусть ни у кого не было сомнений в кандидатуре вождя, Дубеут завершил свою речь традиционной фразой: — Кто считает, что он более достоин нести ношу вождя?

Таковых не оказалось, и наш новый глава медленно и торжественно спустился на землю.

— Пусть в этом костре сгорят все разногласия и обиды, что были между нашими кланами! — произнёс он, жестом руки подав шаманам знак.

Взываю к своему огоньку, вместе с прочими шаманами разжигая огонь. Совокупной нашей мощи хватило бы обратить всё в пепел в течение нескольких секунд, но это было лишним. Ведь это поворотный момент в жизни кланов, и орки должны проникнуться зрелищем. Рёв вздымающегося пламени, охватившего всё, от брёвен основы до последней веточки, жар, смягчённый нашими усилиями — на таком расстоянии обычный костёр быстро спалит все волосы и обожжёт незадачливого зрителя. К огненной феерии подключаются духи, формируя из пламени огненный смерч. Треск, искры неудержимым роем поднимаются в небеса, приковывая взгляд. Кажется, в отлетающем пламени проглядываются силуэты павших, что, постояв немного и обзрев соплеменников, истаивают дымом и рассыпаются на светящиеся точки...

Пришло время делить трофеи и обязанности. Так как мы не ставили своей целью истребить соседей, и трофеев, и иждивенцев появилось немного. Тем воинам, кто сразил неприятеля, досталось по одной вещи с шатра поверженных противников, и всё. Это было правильно, ведь нет никакого смысла вгонять в нищету своих будущих сородичей. Если бы у поверженных воинов не было жён, победители могли бы забрать всё имущество убитого врага. Например, я теперь имею право забрать себе всё имущество Оркривы.

Впрочем, ни одного орчёнка-беспризорника не появилось — круглых сирот не было, часть вдов стали жить вместе, а некоторые вошли вторыми-третьими жёнами в семьи наших волчьих всадников.

Иду к шатрам бывших Кровавых Кулаков — теперь они часть нашего клана. Большинство орков уже разошлись по своим делам, но немногочисленные прохожие приветствуют меня, а я их, стараясь не назвать по имени. Тяжело показывать, что не знаком с кем-то, если ты его знаешь. Впрочем, полутранс позволил уменьшить мимические движения и неосознанные жесты, придав моему лицу бесстрастность. Но с некоторыми это не требуется.

— Здравствуй, Аргнак! — сказала Реррия, приблизившись ко мне.

Непроизвольно она потянула руку к шее, но тут же отдернула её прочь. На ней был летний наряд с привычно-непривычным узором, рассказывающим о её замужнем статусе и наличии детей. Правда, украшений почти не было. Странно, хоть её муж и не был волчьим всадником, но всё равно — хорошим охотником. Видимо, выкуп за неё плохо сказался на богатствах семьи.

— Привет, Реррия. Давно не виделись.

— Идёшь забрать трофеи? Я могу отвести тебя к шатру Оркривы.

Вовремя. Пусть для меня это не было загадкой, но я уже прикидывал, кого бы порасспросить об этом. Конечно, шатры шаманов отличаются от обычных, но как объяснить то, что я бы сразу выбрал нужный?

— Давай.

Шатёр собран — заселяйся и живи! Даже место под очаг приготовлено. И это с учётом того, что о судьбе Оркривы уже было известно — ведь клан переехал на новое место. Так было проще оценить его состояние и обследовать прочие трофеи.

— А вот и он, — показала рукой Реррия. — Ещё увидимся, Аргнак.

Прохожу, оглядывая такую знакомую обстановку. А вот ларец с вещами стоит не на своём месте! И очаг не растоплен, но это дело поправимое. Хотя, зачем мне костёр? Плетение света подвешивает под потолком светящуюся сферу. Хотя и так всё сносно видно, но для чтения света было недостаточно. Пергаментная книга Оркривы была исписана знакомым убористым почерком. Здесь были и рецепты зелий, и описания трав, болезней и способов их лечения. Кроме того, были тут и её личные наблюдения. Некоторые отрывки озарялись вспышками узнавания, когда соответствующий фрагмент всплывал из памяти, но большинство было для меня внове. Похоже, я не ассимилировал себе всю её память, но так даже лучше. Ведь память — это не только знания. Это привычки, навыки, взгляд на мир... Могло ли так получиться, что расправившись с шаманкой, я стал бы её копией, смешайся наша память сильнее?

Так, записи, запас ингредиентов и готовых зелий я возьму, котелок и прочая хозяйственная мелочь тоже пригодятся, а вот от шатра, пожалуй, избавлюсь. Слишком много ассоциаций он у меня вызывает. Шкуры не сказать чтобы ветхие, но и не новые. В подарок любой возьмёт. Можно вообще его разделить на несколько частей. Да что я голову ломаю? Отдам жёнам, а они уже с покупателями договорятся! Собрав баул, развеиваю плетение и выхожу, замечая Реррию. Что она забыла?

— Сможешь организовать сбор и доставку к моему жилью? — кивнул я на шатёр.

— Да. Когда лучше это сделать?

— Прямо сейчас.

— Хорошо, Аргнак. И ещё, у меня будет небольшая просьба — в будущем, как появится свободное время, сможешь уделить мне время на разговор?

— А сейчас?

— Наедине, — сказала, потупив взор Реррия.

— Хорошо.

Что бы ей ни было нужно, меня пока это не заботит. Иду с тюком за плечами домой — пора уже отдохнуть от приключений. Хотя, я тоже хорош — мог бы и просчитать наперёд свои действия и их возможные последствия. Мои орчанки уже были тут, Кайнати с Дувейли готовили есть, а Бьюкигра занималась дочкой.

— Помочь, Аргнак? — спросила Дувейли.

— Если не трудно.

Развязываю свою ношу, отделяя шаманские вещи от бытовых. Кайнати также не осталась в стороне, помогая подруге разбирать и раскладывать вещи. Я же пока занялся зельями и травами. Часть приготовленных ингредиентов Кровавые Кулаки приготавливали по-своему, и я не знал, как это отразится на конечном результате. А потому их придётся использовать так, как планировали наши бывшие соседи (пару-тройку рецептов всё же утяну, если память не врёт, они сильнее наших), а дальше врачевать орков буду уже привычными методами. Под руку подвернулся завернутый в отрез шкуры череп Оркривы. Почему я не ограничился клыками? Про то только духи ведают. Но касаясь его, я никаких голосов не слышу, зато чувствую, что мне он ещё пригодится. Как-то это было связано с духами. Пока мы разбирали вещи, Бьюкигра перебирала пальчики дочери, напевая песенку:

— Первый орчёнок с охоты пришёл, второй орчёнок костёр развёл, третий орчёнок рыбу поймал, четвёртый орчёнок корней накопал, пятый орчёнок от всех убежал!

Заканчивались слова как раз на большом, противопоставленном пальце, после чего повторялись, но уже для другой руки. Девочка внимательно слушала незамысловатый мотив, смешно хмурия бровки. Помню, мать мне пела похожую песню. Немного взгрустнулось — ведь как раз в это время мои родители погибли на охоте. А ведь скоро будет год, как я очутился здесь! «Своего рода юбилей» — мелькнула мысль.

— Я пока схожу к учителю, спрошу, когда будем разбираться с преступником, а потом вернусь ужинать.

— Хорошо, Аргнак.

В шатре я Хатгаута не застал, зато меня встретила незнакомая орчанка с ребёнком лет четырёх. «Хальвида» — всплыло имя.

— Приветствую шамана Аргнакха, — поклонилась та. — Хатгаут отбыл в сторону восхода к другим шаманам.

— Меня зовут Аргнак, — машинально поправляю её ошибку. — Ты теперь живёшь с учителем?

— Да, он взял нас к себе в шатёр.

А у наставника губа не дура — орчанка была весьма симпатичной. Впрочем, может, ему только для готовки и уборки? Как-то я не интересовался этой стороной его жизни. Орчёнок не встречал в разговор, внимательно наблюдая за мной из угла шатра. Больше мне здесь делать нечего, и я ухожу, посылая духа в указанном направлении. Шаманов было всего трое, и я поспешил присоединиться к ним.

— Ты рано пришёл, ученик, — произнёс Хатгаут. — Казнь преступника начнётся утром.

— Я помню, учитель.

Взглянув на своего ученика, беззастенчиво дрыхнувшего под открытым небом, мысленно посетовал, как же он додумался до такого поступка? Гронн! Какой он мне, к Саргерасу, ученик? Моя гримаса не прошла незамеченной для наставника.

— Ещё рано, Аргнак.

— Знаю. Дувейли интересовалась, может ли она способствовать его наказанию?

— Если захочет, — кивнул старший шаман.

— И всё же, что вы ему приготовили?

— Утром, Аргнак, утром.

Утром так утром. Ночевать в поле я не намерен, мне ещё ужинать надо, с орчатами нянаться, с дреныками пообщаться. В общем, дел не впрокорот! А пока обойду стоянку — вдруг кому нужна помощь шамана?

Утро, несмотря на приметы, было добрым. Ночью никто не являлся по мою душу, не хотел выкинуть из тела и не обвинял в том, что я не орк. Лепота!

— Дувейли, сейчас позавтракаем — и пойдём на казнь.

— Хорошо, Аргнак! — с энтузиазмом откликнулась орчанка.

Призываю огонька — в последнее время я стал лучше его ощущать, а он, в свою очередь, проявлял более развитое поведение. Взрослеет, огоньк! Как сможет себя осознавать, нужно будет придумать ему имя. Сейчас он вовсю кипятил воду в котле — благодаря стихии огня мы серьёзно сэкономили топливо. Позавтракав, расходимся — Кайнати отправляется сбывать шатёр, Бьюкигра в поле, а мы с Дувейли спешим на казнь. Байгром уже не спит, лёжа на земле, а стоит, привязанный к столбу. Хатгаута пока нет, лишь Девтазир стережёт пленника.

— Ещё один шаман пришёл поклоняться мне? — слышался надменный голос.

Песенка его спета, но бахвальства и наглости не занимать. Ишь, расхорохорился.

— Скоро ты за всё ответишь, — прошипела Дувейли.

Рассмеявшись, он нагло уставился ей в глаза, после чего сплюнул под ноги.

— И что вы мне сделаете? Мучать будете? Так знайте, чем больше вы будете стараться сейчас, тем дольше будете меня упрасивать потом! Как помру — улечу в гору духов, и останетесь без связи со стихиями!

Серьёзно? Он на это рассчитывает? В принципе, так в будущем и произойдёт. Но неужели и такой преступник будет иметь возможность прервать связь с иными планами бытия? Видя сомнение на наших лицах, вновь торжествующе рассмеялся.

— Этого не будет, — слышался спокойный голос Хатгаута. — Мрази вроде тебя не будет пути к священной горе.

Подходил он не один — все прочие шаманы шли вслед за ним. Преступник замолчал, взгляд его заметался с одного лица на другое, после чего он вновь сплюнул под ноги.

— Я не боюсь ни вас, ни ваших страшилок для орчат!

— Аргнак, сейчас потребуется и твой вклад в ритуал.

— Что предстоит делать?

— Пока делись со мной своей силой, как делаешь это со стихиями. Собрав силы всех шаманов, мы покараем преступника.

— Ничего у вас не выйдет, — уже менее уверенно сказал Байгром, но его уже никто не слушал.

Занимаю место возле учителя и, перехватив поудобней посох, начинаю делиться своей маной с Хатгаутом. Восприятие окружающей обстановки поблёкло, мир дрогнул, старший шаман воздел посох, закручивая вокруг него щедро вливаемую остальными шаманами силу. Негромкий хлопок концом посоха о землю был почти не слышен, но по магическому чутью ударил, как земля, когда я на полном скаку вылетел из седла. Смотрю на Байгрома, ожидая увидеть что угодно, от растёкшегося фаршем тела до превращения его в камень. Но удар сконцентрированной силой прошёл зря? Растерянно поморгав глазами, он вновь разразился издевательским смехом. Ритуал не прерван, и я всё ещё щедро делюсь силой с Хатгаутом, как и прочие шаманы.

— Это было самым жалким колдовством, что я видел, — произнёс, отсмеявшись, преступник.

— Дувейли, пусть ему кровь. Делай с ним что хочешь, но не сломай шею и не пробей голову, — негромко произнёс Хатгаут.

Просить дважды её не пришлось — на привязанного орка посыпался град ударов. Байгром сперва терпел, но вскоре не выдержал, яростно рыча и проклиная собравшихся. Но это не впечатлило орчанку, вошедшую в раж. Несколько раз я отчётливо слышал хруст костей. Кажется, он впал в ярость — перестал обращать на побои внимание и изрыгать ругательства, громко рыча.

— Хватит пока, Дувейли, — произнёс Хатгаут.

Вновь скопленные силы заставляют мир дрогнуть, и на этот раз я знаю, что хочет сотворить учитель. Кровь на Байгроме «вскипела», впитываясь обратно в тело, и преступник обмяк. Да уж, казнь, выдуманная учителем, поистине ужасна. Для себя я бы такого точно не пожелал. И пусть все повреждения на нём зажили, это было начало конца.

— Теперь твоё тело — тотем для твоего духа. Ты не сможешь ни двигаться, ни говорить — лишь смотреть и слушать. Дувейли, если ты ещё не удовлетворила жажду мести — продолжай. Позже тебя сменят. И ещё. Для того, чтобы наказание закончилось как надо, ему должно быть очень больно.

Оставив Краренруна дежурить возле казнимого, остальные шаманы разошлись по своим делам. Я же с Хатгаутом отправился в поле — подальше от чужих глаз и ушей. Спустя несколько минут неторопливого хода мы отделились достаточно далеко от стойбища, и наставник остановился, раскуривая трубку.

— Что ты знаешь о тотемах, Аргнак? — спросил меня учитель.

— Всё, чему ты меня учил, Хатгаут. Они бывают нескольких типов. Простейшие облегчают призыв нужной стихии, обычно это слабые духи. Но если долго готовить его, можно потом призвать и средних по силе духов. Но самые сильные — это тотемы, в которых духи могут пребывать в мире без поддержки шамана. Правда, сделать это непросто.

— Именно. Ты хорошо запомнил мои уроки. А сегодня я поведаю, почему таких тотемов не может быть много.

Первой проблемой создания сложного тотема было то, что тотемы требовалось заряжать магией, хоть и в меньших количествах, чем нужно для удержания духа в мире без тотема. Плюс к этому само присутствие духа в материале (обычно — дереве) постепенно разрушало его.

Но был и другой путь — самый надёжный, но долгий и сложный. Сделанный таким образом тотем не разрушался, на содержание духа в нём совсем не тратилась мана, на нахождение духа в мире вне тотема расход маны существенно сокращался, а призыв духа становился не просто быстрым — мгновенным! Но для этого нужно было соблюсти ряд условий. Дух должен быть достаточно разумным, чтобы абсолютно точно понимать шамана, и должен полностью доверять шаману, чтобы с ним можно было договориться отделить часть его сути (то есть, если сравнить духа с орком — фактически, отрубить ему часть тела, пусть и с возможностью восстановиться за счёт поставляемой энергии!). Именно часть духа идёт на создание таких тотемов, но и несёт опасность для духа-донора — если разрушить подобный тотем, то и дух получит повреждение.

Шаманы могли сделать такой тотем и насильно, но в случае с духами стихий это умение бесполезно — какой дух будет добровольно работать с такими одарёнными?

А вот с Байгром учитель действовал именно насильственным способом — сначала вырвал душу преступника из тела, затем превратил это тело в тотем, а после — заточил в нём его душу. Теперь Байгром может лишь видеть и слышать, но не может двинуть ни одной мышцей — даже моргнуть. А боль тела-тотема теперь повреждает саму душу преступника!

— Страшную казнь ты придумал, учитель.

— Это не я. Поступили мы по заветам предков. Ни мой учитель, ни учитель учителя не применяли её.

— Он не сможет прийти к священному озеру?

— После такого — нет. Конечно, если довести дело до конца.

— А сколько времени нужно для окончательного результата?

— Несколько дней у него есть. Но то уже дело прошлого. Приходи сегодня вечером на это же место и принеси посох Оркривы. Попробуем призвать её духов.

— Хорошо, учитель.

Народу в клане стало почти вдвое больше, и забот у шаманов прибавилось. Хотя большинство

орков, посещавших мой шатёр, не жаловались на болячки, а приходили познакомиться. Небольшие дары в виде мяса, корней оршанника или других съедобных трав заполнили целый угол. Но, думаю, завтра такого наплыва орков уже не будет. За всеми этими заботами и знакомствами день тянулся ужасно медленно. Думаю, Фетиса с Лейзими оценили бы такой приток новой информации, но я не дреней. Правда, и для меня она не лишняя.

Собираясь на встречу с Хатгаутом, раскладываю по карманам на поясе необходимые принадлежности. Немного шаргора? Определённо не повредит. Пусть я уже поднаторел в призывах (спасибо моим дрениечкам, помогавшим развивать ауру!), но в таком деле эта помощь будет не лишней. Звездолист? Да. Пусть это будут не высшие духи (таких без последствий даже Хатгаут призвать не может, а ведь он сильнее Оркривы), но средних духов я тоже ещё не призывал, и сколько уйдёт моих сил — неизвестно. Посох — без вопросов. Но брать ли череп? Взвесив все за и против, решаю прихватить и его — теперь я готов.

— Когда вернусь — не знаю, — говорю своим жёнам. — Если что, ложитесь спать.

— Хорошо, Аргнак, — откликается Бьюкигра. — Но у детей могут быть свои планы!

Закидываю за плечо посох Оркривы и небольшую котомку — вещей столько, будто на охоту собрался. Только охотничьего доспеха не хватает. Но это дело поправимое. Шатры нашего клана всё ещё стоят порознь, и так будет до тех пор, пока не переедем на новое место. А случится это скоро — орки стараются не останавливаться надолго на путевых землях.

Подхожу к месту нашего утреннего разговора, но учителя пока нет. Не страшно — всё равно никуда не спешу, а значит, можно получше подготовиться. Раскладываю вещи и осматриваюсь окрест. Чахленькие кустарники не могли дать много топлива, но мне важен сам процесс подготовки кострища. Срезав дёрн новым ножом (мог бы сдвинуть стихией земли, но сейчас так будет неправильно), откладываю его в сторону и обхожу растительность, осторожно отламывая концы засохших веток. Не просто топливо — знак внимания и обращения к стихии огня. Набрав небольшую вязанку, присаживаюсь возле обнажённого песчаного круга и складываю сухие ветки шалашиком.

Чувствую, что могу дозваться до нужного духа, но пока этого не делаю. Протягиваю левую руку к своим вещам, с тихим шорохом шкура разворачивается, и череп Оркривы перелетает мне в ладонь. До сих пор он ощущается по-особому — пусть кость и свежая, но «запах» жизни должен уже из него выветриться. Было ли это следовыми остатками от слияния с духом жизни или просто особенностью существа, практиковавшего магию не один десяток лет — неизвестно. Да пока и не важно. Не оборачиваясь, слышу приближение Хатгаута.

— Приветствую, учитель, — говорю ему, не поднимаясь с земли.

— Уже готов?

— Почти. Трубка шаргора будет не лишней.

— Какую стихию призовёшь первой?

— Огонь.

Дальнейшее уже происходило в молчании. Выкурив трубку, вижу, как Хатгаут выбивает свою от пепла и поудобней перехватывает посох. Укладываю череп на колено, помещая ладонь сверху, и тянусь к «своему» контрактору. Первый отклик пришёл не сразу — в нём чувствовалось лишь смутное узнавание. Усиливаю напор маны — Тлеющий из плеяды средних

по силе духов. Всматриваюсь в призванного духа огня, что с ленцой, как будто по привычке, перебирал веточки в костре. Сейчас его внимание сосредоточено на мне. Чувствую и магию Хатгаута, готовую встать барьером между мной и огнём. Но я не чувствую угрозы, поэтому ещё прибавляю напор маны, позволяя духу распробовать её. Мои действия не остались без внимания с его стороны, а «вкус» маны нёс оттенок его бывшей хозяйки. Похоже, меня приняли за её ученика. Хатгаут отошёл, не мешая нам больше общаться. «Тлеющий» — имя это он получил уже давно, четыре поколения одарённых назад. К сожалению, орочий язык слишком беден, чтобы передать все нюансы и значения. К тому же оно не было статичным, энергетический посыл его со временем менялся, по мере развития самого духа. Контакт налажен, любопытство стихии удовлетворено, и я провожаю его обратно на план огня.

— Устал? — вырвал меня из ступора голос учителя.

— Не знаю. Слишком много всего произошло. Силы вроде и половины не потратил, а такое чувство, что дня три не спал.

— Это пройдёт. Ты стал сильнее, ученик.

— У меня хороший учитель.

— Дело не только во мне. Борьба с Оркривой не прошла для тебя бесследно.

«Знал бы ты, наставник, насколько прав!» — мелькнула мысль.

— Думаю, на сегодня достаточно. Кто бы мог подумать, что первых сильных духов ты получишь не от меня?

<http://tl.rulate.ru/book/16932/340996>